



Евгений Прокопов

**Александр Копылов - художник, педагог,
подвижник**

Смутные времена пресловутых рыночных преобразований тяжело отразились на многих судьбах. Особенно болезненно проявилось это на творческих людях. Не секрет, что в российском реестре профессий и специальностей нет многих творческих профессий. Соответственно членство в творческих союзах не является подтверждением стажа при достижении пенсионного возраста.

Как и писатели, живописцы всяк по-своему исхитряются организовать свою жизнь. Многие уходят в преподавательство, некоторые при этом начисто забывают собственные творческие устремления, передают свой талант.

И вот кажется бедолагам небо с овчинку, что весь мир виноват, всё нескладно и плохо: постылая нудная служба, прискорбная не востребованность былых способностей. Неотвратимо наступает деградация, личностная и творческая. Не то, чтобы совсем редки, но и нечасты исключения из общего порядка.

Новосибирский художник Александр Сергеевич Копылов являлся таким счастливым исключением.

Много лет размеренно и напряжённо протекали дни его жизни.

Александр Копылов всегда вставал очень рано. Стараясь не будить домашних, пил кофе, тихонько выходил из дома. Шёл по утреннему своему каждодневному маршруту.

Острый глаз художника-архитектора привычно отмечает перемены в облике города: хорошеет понемногу площадь Маркса, освобождается от уродливых временных сооружений, киосков, ларьков; мало-помалу оживают печально-знаменитые левобережные «долгострои». Яркая, нахальная реклама назойливо лезет в глаза, раздражает. «Ничего, – думает он с пониманием, – всё лучше, чем недавняя всеобщая серость, убогая безликость и угрюмость, со временем прибавится вкуса, чувства меры. Главное, город строится, жизнь продолжается». В таких думах приходил он в свою мастерскую на улице Новогодней. Мансарда залита солнечным светом. Утренними часами работы художник всегда дорожил особо, пролетают они незаметно и счастливо.

Когда в 1977 году Александр Копылов окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института, ему было предложено остаться в родном ВУЗе преподавателем кафедры живописи и рисунка.

В то время в Сибстрине блистала яркая когорта выдающихся мастеров: Ардаллион Кузьмин, Виктор Кречетов, Людвиг Минерт. Поэтому такое предложение вчерашнему студенту можно было считать признанием высокого уровня его профессиональной подготовки и таланта.

Так и пошла с тех пор жизнь Александра Копылова по двум параллельным направлениям. Кафедра, ученики, разработка методических пособий, поездки со студентами – это одно. Творческая работа, участие в художественных выставках самого высокого ранга – другое.

– Как удаётся совмещать и то, и другое? Что ты сам считаешь главным? – иногда спрашивал я его спроста в лоб.

– Не люблю я таких противопоставлений, – отвечал он обычно. – По образованию я архитектор, до сих пор могу сделать расчёт прочности балки; знаю, что такое каннелюра, ордер, капитель. Но по внутреннему состоянию я, прежде всего, художник. Пока худо-бедно удавалось совмещать два дела. (Заметим в скобках, говоря «худо-бедно», Александр Сергеевич скромничал: он два срока, шесть лет, заведовал родной кафедрой, давно уже принят в члены Союза художников, союза, где очень ревниво относятся к «чужакам»-архитекторам; участвовал в самых престижных выставках). «Я привык «пахать», привык вкалывать. Я ведь и на этюды до сих пор хожу каждый погожий день. Так и живу, слугою двух богинь: живописи и архитектуры», – шутил он.

Вполне естественно, что главной сферой приложения его творческих сил стал городской пейзаж.

Городской пейзаж – это, может, ещё более сложный жанр, чем просто пейзажная живопись. Здесь всякая неточность или неряшливость автора становятся очевидными промахами.

К этому своему главному и любимому жанру Александр Копылов пришёл в результате многолетних упражнений, труда и изысканий в области архитектурного пейзажа, который является важнейшей программной дисциплиной для будущих архитекторов, поскольку развивает у студентов способность видеть и изображать форму в пространстве, приобщает к архитектурно-художественному наследию.

Авторитет русской классической школы очень высок; принципы обучения, которые сформировались ещё в советские времена, прошли проверку временем и доказали свою жизненность и плодотворность. Закладываемый в качестве фундамента багаж знаний и навыков, верность классическим

традициям русского реализма, широта кругозора – всё это позволяет молодому специалисту, архитектору, дизайнеру, художнику чувствовать себя уверенно в беспокойном море современного изобразительного искусства.

Александр Копылов и сам был выпестован в лоне этой русской классической школы и почти сорок лет верой и правдой служил ей.

Неоспоримым подтверждением высокого авторитета и педагогических достижений А. С. Копылова явилась его победа на Всероссийской выставке «Пленэр» творческих работ преподавателей и студентов художественно-графических факультетов Высших учебных заведений. Первое место в номинации «Автор-новатор в пейзажной живописи» свидетельствовал о многом.

Почти два десятка лет Александр Сергеевич Копылов назначался руководителем живописной практики студентов, возил своих подопечных по всей России. Псков, Суздаль, Ростов Великий, Петербург, Новгород, Владимир, Переславль-Залесский, Тобольск, Валаам... одно только перечисление этих славных названий звучит музыкой для всякого русского человека.

Каждая такая поездка запоминалась, прежде всего, не унижительными переговорами с местными властями и хозяйственниками, не дорожными приключениями и бестолковщиной, не конфликтами с местными хулиганами, не ссорами и конфликтами в группе (все творческие натуры – ершистые и самоуверенные, всех надо уважать и ценить).

Главное в этих поездках, – считает Копылов, – заронить в души подопечных искру творческого отношения к профессии, дать почувствовать нерасторжимую связь времен, проникнуться великими традициями русского зодчества, любовью к Родине.

Вообще, работа со студентами всегда была его любимым делом. Успехами своих учеников он гордился и хвалился больше, чем своими работами. Копылов готов был драться, когда талантливого паренька или девочку «затирали» только за то, что у их родителей нет связей или маловато денег.

Педагог Александр Копылов всегда понимал, что многим из его учеников предстоит высокая миссия – быть в числе создателей новой культурно-художественной среды.

Трепетное, бережное отношение к юному таланту сочеталось у Копылова с требовательностью и строгостью. Он часто повторял своим подопечным: «В вас заложена искра божия, талант. А кому многое дано, с того много спросится. Не позволяйте себе растерять этот дар судьбы!»

Там, в этих поездках, на этюдах, когда студенты работают бок о бок с опытными педагогами, свершается таинство творческого становления будущих архитекторов и художников.

Кроме чисто педагогических задач, удавалось решать и свои собственные творческие. Из каждой поездки со студентами Копылов привозил десятки графических листов, где сухая строгость взгляда архитектора сочеталась с глубиной и многоплановостью взора художника. В результате возникал своеобразный стереоэффект, объёмность видения природы.

Позже, потом, по возвращению в Новосибирск, приходили в думам, снах, видениях купола новгородские, звонницы Пскова и Ростова, мосты и каналы Петербурга, соборы Суздаля и Владимира, монастыри Валаама. Впечатления от поездок претворялись на холстах художника в многоплановые художественные создания.

В повседневной напряжённой работе, в многолетних творческих поисках складывался своеобразный стиль художника Копылова. Александру Сергеевичу был близок так называемый «суровый стиль» советской живописи 60–70 годов.

Копылов считал его наиболее близким русскому человеку, отражающим национальный русский характер, выражающим его духовный склад и такие главные его черты как мужество, сдержанность, жизненную силу и стойкость.

Продолжая традиции городского пейзажа, А. С. Копылов сумел найти свои собственные способы и средства подачи материала, свои личные интонации. Живописную манеру Александра Копылова трудно спутать с чьей-либо. Это своеобразие манеры часто становилось причиной больших неприятностей для автора.

– Раньше я был глупым, нетерпеливым. Принимал всё близко к сердцу. Обижался, когда какой-нибудь осатаневший от внезапной власти самодур из выставкома заворачивал мои картины. Порой даже хотелось руки на себя наложить, так было обидно: пять работ показываю, а ни одну не принимают для экспонирования. Да хоть бы претензии были к уровню профессионального мастерства, или ещё что... А то, не мудрствуя лукаво, говорят: «Ваши работы не komponуются с остальными...». Смех, да и только!

– Смех, да и только, – повторим и мы, вспомнив показательный, о многом говорящий случай.

На Всероссийской Художественной выставке «К 2000-летию Рождества Христова» А. С. Копылов был одним из очень-очень немногих новосибирских художников, которые прошли жесточайший предварительный отбор в столице.

Его картина «Суздаль. Дорога к храму» не потерялась среди работ таких выдающихся мастеров, как Пластов, Моисеенко, Мыльников, Дейнека, Кончаловский, Чуйков, Верейский, Лактионов. Что ни имя – легенда!

С ними Копылов «скомпоновался»...

С особенным старанием и ответственностью всегда относился А. С. Копылов к подготовке своих персональных

выставок. Он пробовал разные варианты развески картин, менял количество представленных произведений.

Десятки графических листов и этюдов маслом; большие живописные полотна, объединённые в циклы, триптихи, композиции – обычный фирменный «копыловский набор» – всё это открывало перед зрителями целый мир.

Зримые образы Родины, Русь – уходящая и Россия новая, наша вечная Отчизна – вот главная ТЕМА художника Александра Копылова. «Старорусская» тематика, всегда выигрышная с точки зрения некой заповедной вневременной духовности, перемежалась актуальными видами родного Новосибирска.

Как правило, на персональных его вернисажах, прежде всего, обращали внимание шесть больших полотен, объединённых в художественный цикл под общим названием «Красный проспект».

Кажется, нет такого уголка Главной улицы Новосибирска, которому бы не нашлось места в этом сложноорганизованном, многоплановом живописном пространстве.

Художник умело применял весь арсенал приёмов художественного отображения для показа мозаичности, калейдоскопичной пестроты и эклектичности, из которых за обилием узнаваемых мест и зримых примет встаёт обобщённый образ мегаполиса.

Александр Сергеевич обычно по-юношески увлекался, говоря о родном городе:

– Я рад, что он опять весь в строительных лесах, рад, что появляется в нём всё больше новых интересных зданий. Дай бог братьям-архитекторам вкуса и чувства меры, чтобы, увлекшись грандиозными планами, сохранить дух гиганта на Оби, родного Новосибирска.

Следующий масштабный художественный проект Копылова «Воспоминания о Ростове Великом» – живописный цикл из шести картин.

Общая тональность цветовой гаммы всех шести больших полотен знаменует художественную цельность замысла.

Сказочным миром, прекрасным видением из голубой туманной дали возникает древний город с колокольнями, крепостными стенами, звонницами. Изображение древнего города обретает обобщённое и глубокое значение, мистическую таинственность.

Отражения, повторы изображаемого – эти живописные «рифмы» – снова и снова возвращали зрителя к размышлениям об истории многострадальной Родины. У «Валаамского триптиха» большинство зрителей долго и молча стояли, словно желая проникнуться настроением возвышенного покоя и одухотворенности.

Поездка на остров Валаам – по словам художника – это главное творческое и духовное потрясение в его жизни.

– Я много ездил по России, много видел. Но Валаам – это нечто особенное. Нигде нет такой идеальной вписанности старых стен в окружающую природу, такого слияния внешнего мира и духовного; безмятежности и покоя, словно растворённых в воздухе. Я ведь чуть не остался тогда там в Обители.

– В каком качестве? – спрашиваю я.

– Мне было всё равно, в каком качестве, кем остаться. Трудником, послушником, иноком, всё равно! Только бы быть там, быть частью этого совершенного мира...

Три картины, составляющие триптих «Старые стены», объединены не местом, а по духу. Псков, Суздаль, Ростов Великий словно дополняют друг друга в создании единого образа.

Масштабность и значительность изображаемого, избыток впечатлений, глубина чувств, сила проникновения определяют тяготение художника к большим художественным формам. Это вполне оправдано, как бы кто ни упрекал его в несоответствии размера картины её содержанию.

Если все эти большие полотна, посвящённые древним городам, как и многочисленные графические листы, представляли нам «старого», традиционного, привычного Александра Копылова, то две картины, объединённые в диптих «Архитектурные композиции», знакомили нас с иной гранью дарования живописца. Здесь он словно сбросил привычные шоры многолетней выучки, жёсткие рамки строгого ремесла. Раскованно, с редкой для себя степенью живописной свободы работал автор над этим диптихом.

Когда Александр Сергеевич растолковывал свой замысел, пояснял ритм и композицию картин, возникало совершенно чёткое представление, что это как бы абрисы, призраки, видения его не свершившихся архитектурных идей, проектов, замыслов.

Следует сказать, что его дипломный проект на тему «Дворец молодёжи в Академгородке» (руководитель – академик Воловик А. А.) получил отличную оценку и был рекомендован для дальнейшей разработки в ГИПРОНИИ. Но дело застопорилось в коридорах Госплана и Госстроя. А потом наступила «перестройка». Но и с чисто декоративной точки зрения «Архитектурные композиции» своеобразны, художественно состоятельны, яркие и оригинальны.

Противопоставляя себя иным коллегам, свихнувшимся на формалистских изысках с неряшливыми «ощущениями» и «впечатлениями», Копылов доказывал на примере собственного творчества необходимость соблюдения даже в ассоциативной или в цвето-ритмической композиции определённых

законов внутренней архитектуры и логики. Не говоря уже о пейзаже или натюрморте, где потребность самодисциплины ещё острее.

Великолепны большие, многофигурные натюрморты Копылова из серий «Атрибуты искусства» и «В мастерской художника». Уверенное владение живописной техникой всегда было характерно для него. Многие работы А. Копылова как бы просились к претворению в жанре монументально-декоративных панно, мозаики. Но нельзя объять необъятное.

Словно в ответ на давнишние упрёки в мрачности и угрюмости колорита, Александр Копылов на последних вернисажах целый зал занимал светлыми, полными солнца и воздуха этюдами, на которых изобразил укромные уголки новосибирского левобережья. Живая сочность этих этюдов была особенно выигрышна на фоне суховатой, порой излишне строгой манеры графических листов с видами старых русских городов.

Увидеть красоту в окружающем мире – непростая задача. Найти поэзию в повседневном – нелегко. Только настоящему мастеру, истинному художнику это по силам.

В той же манере исполнены листы с видами старых русских городов, Санкт-Петербурга и Новосибирска. Эти подробно прорисованные, детализированные листы фактически являются не только документально точными образами, выхваченными из потока времени, но и аналитично-плодотворными: для их адекватного, правильного, полного восприятия требуются пристальный взгляд и серьёзные размышления.

В отличие от рисунков акварельные работы Александра Копылова знаменуют полное освобождение художника от строгостей архитектурной выучки. Чувствуется плодотворное влияние профессора Ардалиона Кузьмина, чей авторитет был непрекаем для Копылова.

Переход в Институт искусств из Архитектурной Академии был знаковым в жизни А. Копылова. Похоже, художник окончательно «победил» архитектора. Пришла пора обобщения, художественного осмысления, проникновения в суть. Пришла зрелость.

Подводя итоги увиденному, следует заметить, что творческий багаж художника показывал А. Копылова зрелым мастером, твёрдо знавшим «свой манёвр».

Его талант, работоспособность, целеустремлённость позволили ему занять достойное место среди новосибирских живописцев.

Час востребованности творчества Копылова, несомненно, пройдёт. Недалеко то время, когда иным мнимым «знатокам» арт-рынка, не слишком жалующим до сих пор работы Копылова как не рыночные, не интерьерные, будет, по меньшей мере, неловко за их непрофессионализм.

Графические листы его десятками скупают иностранцы. Иные его композиции, созданные как бы на стыке фантазии и реальности, словно просятся в интерьеры современных продвинутых офисов строительных компаний, агентств недвижимости, туристических фирм.

Художник не любил суеты, не участвовал в околотворческих «тусовках». Обычно на всех вернисажах сразу после взбалмошной суматохи открытия он уходил в сторонку, подходил к окну, за которым уже сгустился вечер, недалеко сверкало зарево огней Красного Проспекта. Художник надолго задумывался, погружался в свои думы. И в такие моменты не хотелось ему мешать. Мы тактично оставляли его наедине с его думами и планами у этого вечернего окна, за которым любимый им город Новосибирск.